

СУДЬБА ТАЛАНТА

В 1952 году в Москве на вечере, посвященном памяти великого русского певца, тенора Л. Собинова, мало кому знакомый юноша спел романс «Надира» из «Искателей жемчуга» Бизе. И сразу покориł искушенных слушателей. Этим юношей оказался ныне известный далеко за пределами нашей Родины заслуженный артист РСФСР Г. М. Пицаев. Сейчас он находится в Ялте. Наш корреспондент попросил певца ответить на несколько вопросов.

— Геннадий Михайлович, познакомьте, пожалуйста, наших читателей с вашей творческой биографией.

— Родом я из Башкирии. Наша семья — все песенники, особенно хороший голос был у прадеда. Я пою с детства. Но на сцену попал

случайно. Дело в том, что живопись люблю не меньше. Еще мальчиком часто уходил с этюдником на лесные поляны, берег речки, писал акварели и... пел. Закончив школу, решил поступить в художественное училище. В 1945 году в нашем городе проходил

смотр художественной самодеятельности. И брат настоял, чтобы я принял участие в смотре.

И вот представьте себе зал — огромное черное пятно и оттуда несется неясный гул... Слышу знакомую мелодию — зазвучал баян. Надо петь. Запел: «Вот мчится тройка почтовая...». Закончил. Секундная тишина — и аплодисменты. Как гром. Растерялся. Но не в этот момент понял, что сцена — мое призвание, а в следующий, когда должен был исполнить «Степь да степь кругом» и... забыл слова.

Парадокс? Нет. Ведь если на сцене так волнуешься, что забываешь то, чего, казалось бы, ничем не выбьешь из памяти, значит ей, сцене, стоит посвятить жизнь. Юри простило мне этот промах, послало на республиканский смотр в Уфу. Там я был принят в музыкальное училище. Проучился три года, затем по конкурсу поступил в консерваторию им. Чайковского в Москве, в класс профессора Юдина. Окончил консерваторию в 1953 году.

За 17 лет, минувших с той поры, объездил всю страну: бывал в Но-

рильске, Якутии, на Сахалине, Камчатке и т. д. Пел в Румынии, Австрии, Венгрии, ГДР, Финляндии. Много раз записывался на пластинки, снимался на телевидении. Люблю Ялту и ее слушателей, часто здесь бываю.

— В вашем репертуаре много оперных арий. Среди них — труднейшая из трудных ария Ашуга из спендиаровской оперы «Алмаст». Однако опера не стала вашим амплуа. Почему?

— В живописи я люблю акварель с ее кружевной легкостью и ювелирностью. И если можно провести аналогию в музыке, то опера — это большое полотно, написанное маслом, а сольные концерты как бы состоят из отдельных небольших, но совершенно законченных картин. Здесь в три минуты

певец должен сделать то, на что в опере «отпускается» 3 часа, т. е. вложить порой всю гамму чувств, передать слушателю свое понимание, видение исполняемой вещи. И через несколько секунд перевоплотиться в совершенно другой образ. И тут тебе никто не поможет: нет ни оркестра, ни хора, ни даже соответствующего костюма и грима... К тому же концертное исполнение отличается широтой диапазона. В моем репертуаре, например, русская песня и сольные вокальные произведения композиторов-дилетантов (доглинковский период), композиторов «могучей кучки», Бетховена (цикл «Далекой возлюбленной»), Шумана — «Любовь поэта», Де Фалля — «Испанские песни», Гуно и т. д., песни и романсы советских компо-

зитором Шапорина, Шостаковича, Кабалевского, Свиридова, Прокофьева, Таривердиева и др.

— К тому же вы являетесь единственным исполнителем всех романсов Чайковского?

— Да, все 103 романса составили 4 концерта. Они были подготовлены к 125-летию со дня рождения композитора.

— Над чем работаете сейчас и планы на ближайшее будущее?

— Сейчас подготовил, на мой взгляд, интересный цикл «Зимний путь» Шуберта. Собираюсь повторить, вернее обновить, пополнить новыми нюансами, а кое в чем и заново переосмыслить все 4 концерта из романсов П. И. Чайковского — ведь прошло уже пять лет с момента их первого исполнения...